

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает
**кандидат юридических наук,
профессор кафедры
гражданского процесса СПбГУ
Михаил Зиновьевич ШВАРЦ**

ВЫСШАЯ ШКОЛА — ЭТО НЕ КЛУБ ПО ИНТЕРЕСАМ

Кандидат юридических наук, адвокат, лауреат высшей юридической премии «Фемида» «За вклад в создание демократического общества и развитие институтов правового государства», 2007. Награжден почетной грамотой Министерства образования РФ, 2014; медалью Федеральной палаты адвокатов «За заслуги в защите прав и свобод граждан», 2013. Член Ученого совета юридического факультета СПбГУ; Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ; Научно-консультативных советов при Арбитражных судах Центрального округа, Восточно-Сибирского округа, Северо-Кавказского округа, Западно-Сибирского округа, Северо-Западного округа. Член Научно-консультативного совета при Федеральной службе судебных приставов России, член межведомственных рабочих групп Министерства юстиции РФ по разработке проекта Исполнительного кодекса РФ и проекта федерального закона о нотариате и нотариальной деятельности; член Научно-методического совета и Экспертного совета при Федеральной антимонопольной службе. Член Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве юстиции РФ (2015–2021).

— Вы в работе сочетаете преподавание, практическую и научную деятельность. Что Вам интереснее?

— Преподавание.

— Почему?

— Это такая особенность характера — желание научить, убедить, перетащить на свою сторону. Это и особая радость — видеть успехи ученика. Я счастливый человек, мой первый аспирант — Михаил Львович Гальперин, второй — Антон Валерьевич Ильин, затем Даниил Борисович Володарский, Ирина Николаевна Кашкарова, есть и другие ученики, добившиеся успеха на профессиональном поприще. Это особое чувство, когда вчера это были Миша или Антон, а сегодня Михаил Львович, Даниил Борисович и т.д. Однажды поймал себя на следующей мысли: когда спустя годы с начала общения с учеником в разговоре захотел

сделать замечание, то почувствовал, что на это надо спросить разрешение у него же, бывшего ученика, ибо уже не Миша, а Михаил Львович. Учительство — это особое чувство, его сложно объяснить.

— У Вас есть ученики, которые, как Вам кажется, переросли Вас в чем-то?

— Смотря в чем. Если в самом учительстве, преподавании, то нет, но не все из моих учеников сами учителя именно по характеру. Они прекрасные специалисты, а учительский дар — это отдельное качество. В остальном, наверное, или почти, или уже переросли. Во всяком случае ученики должны быть лучше учителя, это совершенно точно. И не сразу это осознаешь. Кстати, если ты остаешься в преподавании, то ты все время словно стоишь на месте, ты идешь по одному кругу: тебе 40, а ученикам 20, тебе 45, а им 20, тебе 50, а им 20 и т.д. А тот, кто не остается в учительстве, делает карьеру в иных сферах, может превзойти меня, поскольку он не останется на этом круге. Когда я понял, что в первую очередь я учитель, я задумался над тем, что такое быть учителем начальных классов, когда ты всю жизнь учишь одному и тому же, и как надо любить детей и само учительство, чтобы делать это всю жизнь. Понятно, что появляются какие-то новые методики, новые задания, но предметная область одна и та же, ты все время бежишь по одному кругу, и находить в этом кайф, каждый раз заходить на этот круг с интересом — вот это, видимо, и есть характер учителя. И этот характер проявляется не только в аудитории, но и в рамках адвокатского бюро. Когда ты растишь молодых юристов, увидеть, что процессуальный документ написан молодым коллегой так, как написал бы его я, — это огромное удовольствие.

— Вы требовательный учитель?

— Да. Если бы я стал школьным учителем, то я бы жалел учеников и все делал бы за них, а в университете у меня есть четкое понимание, что это профессиональное ристалище и нет причин делать скидки. Мне одна студентка сказала, что у меня невыносимый метод обучения, поскольку мы без конца решаем задачи, решить которые не получается. Она, конечно, права: по законам педагогики ученику надо обязательно давать позитивный результат, но в высшей школе я не придерживаюсь этого правила, особенно когда это касается магистратуры и аспирантуры. Конечно,

нет смысла издеваться над учеником и требовать того уровня, до которого он объективно не дорос. Но в аспирантуре, где задачей является разбудить в аспиранте исследователя, надо заставлять переписывать столько раз, сколько необходимо, пока не получится то, что нужно, пока эта способность не сформируется.

— В юридическом образовании что-то стоит сейчас менять?

— В первую очередь оно методически убито. Школа — это не ответ на вопрос «что?», а ответ на вопрос «как?». Учитель — это методика донесения до ученика знаний и формирования у него навыка. Сама предметная область не имеет значения. Важно, как мы преподаем и изучаем соответственно. В итоге должен формироваться навык (или компетенция, как теперь принято говорить). Сами по себе знания законов, судебной практики, конечно, важны, но необходимо помнить, что они составляют только эмпирическую основу предметной области, которая неизбежно будет меняться, и поэтому вторично то, как именно они усвоены студентом, — значение имеет то, какой навык мы сформировали в ходе обучения. И здесь важно учесть внешние факторы, влияющие на образование. Первый — это бесконечный рост знаний во всех отраслях, который приводит к попыткам образовательных организаций везде и всюду успеть. Бесконечное разрастание законодательного массива в принципе ставит перед нами вопрос о том, что именно должно изучаться, ибо всё и на всех направлениях успеть невозможно. «А читаете ли вы курсы по цифровизации? А есть ли у вас арктическое право? А спортивное право преподаете?»

Даже в критериях премирования преподавателей учитывается показатель создания нового курса, но если ты 25 лет при полном зале читаешь старый курс, никто премию не даст. Новое считается лучше и важнее старого — это принципиально неверно. Что касается попытки изучить все, то примером является судьба арбитражного процесса: некоторое время в федеральном стандарте бакалавриата его не было, но потом его вернули. И хотя это моя предметная область, назвать это правильным я не могу. Такой подход бессмыслен — все успеть изучить невозможно. Поэтому первое, что должна сделать высшая школа, — повернуться от самой предметной области, особенно от ее расширения, к формированию навы-

ка. Студент по итогам обучения должен знать ответы на условные 100 вопросов, но они должны быть вбиты в голову намертво. Например, понятие объекта правоотношения, субъективного интереса, система юридических фактов, базовые принципы и т.п. Сегодня студенты сдают на первом курсе экзамен по теории права и благополучно всё забывают, когда начинают специальные дисциплины (уголовное, гражданское право и т.д.). Если бы я строил идеологию учебного плана, то отраслевые курсы (гражданского, международного, конституционного права и др.) преподавал бы как еще одно изложение общей теории на отраслевом материале. И столько раз изученная теория права была бы вложена в голову так, что после этого на практике на нее можно было бы успешно положить право экологическое, арктическое, госзакупок, антимонопольное и т.п. Попытки преподавать и изучать всё ведут в никуда!

Второй фактор, давящий сегодня на высшую школу, — это ложно понятое представление о свободе студента выбирать курсы, о необходимости так называемых индивидуальных траекторий. Но выбрать может тот, кто понимает, что выбирает. Студент бакалавриата к этому не готов. Да и высшая школа — это не клуб по интересам. Выбор закончился тогда, когда абитуриент выбрал юридический факультет, а не химический, дальше — приобретение профессии в том виде, в котором ее содержание, набор квалификационных компетенций, навыков сформулированы государством. Нельзя забывать, что сегодня диплом о высшем образовании — это допуск в юридическую профессию. Поэтому никакого выбора дисциплин и гонки за специальными курсами и разнообразием этих курсов нет и быть не может. Это создает лишь ложное ощущение «интереса» в обучении. Иногда учиться может быть скучно и тяжело, но так и должно быть, ничего печального в этом нет. Выбор дисциплин в бакалавриате — полный нонсенс. Объем учебного времени совершенно не предполагает, чтобы бакалавры что-то выбирали. Вот в магистратуре, аспирантуре, пожалуйста, выбор уместен. А выбор в бакалавриате — это безответственно, плохо для студентов. Это создает иллюзию выбора и иллюзию получения образования. Однако если будет введен вневедомственный экзамен на доступ в профессию, о котором уже долго говорят, и диплом о высшем образовании станет документом, подтверждающим лишь обра-

зованность (!), а не получение профессии, тогда, конечно, другое дело. Например, студент, который сам платит за свое обучение, учится для себя, он «образовывается», он пришел потому, что ему эта область интересна, а не потому, что хочет получить данную профессию. Сегодня он «образовывается» на юридическом факультете, потом на восточном, потом на историческом... и имеет на это право. Ибо очевидно, что само по себе получение образования не означает, что вы будете работать по данной профессии, и сейчас оно все чаще не служит цели получения конкретной профессии. Вот это право учиться для себя, безусловно, сопряжено с правом выбора дисциплин, которые интересны, но тогда нужно, чтобы диплом не являлся допуском в профессию.

В общем, имея базу, фундамент в виде ключевых теоретических знаний и навыков, зная ответы на условные 100 вопросов, молодой юрист получит точку входа в решение любого юридического вопроса на практике. И грамотность этого решения не будет зависеть от того, как изменилось законодательство и сколько законов требуется изучить для поиска ответа на него. И от цифровизации и владения ее достижениями тоже зависеть не будет. Вот создание такой базы и есть главная задача высшей школы.

— Выход из Болонской системы — это проблема для российского высшего образования?

— Нет, это десятый вопрос. Конечно, шесть лет обучения лучше, чем пять, поэтому ничего плохого в том, что мы перешли на эту систему, я не вижу. А вот что касается того, каким должен быть бакалавриат, считаю, он должен быть другим. И если он станет другим, то на этом фоне изменится и магистратура, и вот там будут курсы по интересам, индивидуальная траектория и прочее, после того как бакалавриат тебя подготовил воспринимать все, что угодно.

— Много дискуссий было об ограничении входа в адвокатуру, вплоть до лицензирования. Как Вы считаете, требуются ли такие ограничения?

— Дело не в дополнительном фильтре, а в том, что уровень вступительного экзамена в адвокатуру катастрофически низок по содержанию. И еще каждый раз находятся те, кто его не сдают. Это удивительно.

— В чем тогда смысл статуса адвоката, роль адвокатуры?

— Вы говорите о роли адвокатуры на нерегулируемом в целом государством рынке юридических услуг, на котором лишь адвокатура является регулируемой частью (нотариат оставим за скобкой). Отсутствие регулирования и то, что оказание правовой помощи по гражданским делам и представительство по ним не требует статуса адвоката, ставит вопрос о том, зачем адвокатура нужна за рамками уголовного процесса. Можно сказать, что для оказания помощи по гражданским делам статус адвоката избыточен. Значит, адвокатура должна стать исключительно уголовной, и экзамен вступительный должен, соответственно, стать узкоспециализированным и неизбежно сложным, конечно. А гражданская часть окончательно должна уйти в нерегулируемую часть рынка. Это один возможный вектор развития и понимания роли и места этого института.

Другой возможный и принципиальный ответ на Ваш вопрос заключается в том, что государство обязано вернуться к регулированию рынка юридических услуг во всех его частях, включая его гражданскую (в самом широком смысле) часть (а не адвокатура должна быть исключительно корпорацией лиц, осуществляющих защиту по уголовным делам). Статья 48 Конституции РФ и не дает государству права уклоняться от комплексного регулирования всех сегментов рынка юридической помощи. И то, что происходит с профессиональным представительством по гражданским и арбитражным делам, которое ввели с 1 октября 2019 года, это просто неконституционно, ибо эта часть рынка остается без государственного регулирования, и все, что известно, о его субъектах, это только то, что они имеют диплом о высшем юридическом образовании. Всё, более никаких прав и обязанностей, никакого статуса у них нет. И это неконституционно, это посягает на право на судебную защиту. Поясню: если ныне гражданин в предвидении длительной командировки или длительного лечения не может обратиться за представительством его интересов в предстоящем судебном процессе к соседу или коллеге по работе, а должен найти профессионала, то статус этих профессионалов должен быть таким, чтобы они были обязаны (!) заключить договор на оказание правовой помощи с этим гражданином. Иначе один отказался потому, что занят другими делами, второй

заломил немислимую цену, третий отказался потому, что оценил перспективы дела как малоутешительные и решил не браться за дело, которое ляжет пятном на репутацию, четвертый сказал, что не чувствует себя уверенно в данной проблематике и т.д. В результате никто не обязан заключить договор на оказание правовой помощи, не говоря уже о полной свободе ценообразования, что для лица, не относящегося к малоимущим и не имеющего право на получение бесплатной юридической помощи на основе известного закона, означает невозможность договориться о предоставлении правовой помощи по приемлемой цене с тем лицом, которое только и может представлять его в суде благодаря наличию диплома. В итоге сам себя защищать гражданин не может (командировка, болезнь и пр.) и найти представителя тоже не смог, а к соседу или другу, как я отметил, обратиться нельзя. В конечном счете реализация права на судебную защиту существенно затруднена, если не уничтожена полностью. Вот почему современное регулирование представительства по гражданским и арбитражным делам неконституционно и посягает на право на равную судебную защиту — без адекватного и полноценного регулирования всех сегментов юридического рынка вводить профессиональное представительство было нельзя. В свою очередь, подобное регулирование, будь оно осуществлено, поставило бы вопрос о роли и месте адвокатуры как о корпорации, в которой должны быть собраны все (!) оказывающие профессиональную юридическую помощь лица.

— Достаточно ли эффективно у нас развивается третейское разбирательство? Оно нам нужно?

— Так нельзя ставить вопрос. Нам нужно все, что есть в живой и неживой природе. Какое место это займет — вопрос ментальности, культуры, традиции, усиления или ослабления роли государства и пр. Должны ли третейские суды существовать в России как явление? Да, безусловно. Но искусственно вмешиваться в развитие этой системы и стимулировать ее не нужно. Прошедшая реформа третейских судов была всего лишь политическим решением законодателя, который не мог иными средствами справиться с разными безобразиями в этой сфере и решил, что на некоторое время работу этого института нужно, по сути, остановить. Конечно, само по себе административное регулирование создания третейских судов, имею в виду создание суда с согласия Минюста

России и т.п., это нонсенс, но на данном историческом этапе это политическое управленческое решение, которое имеет право быть принятым законодателем и которое не имеет отношения к юриспруденции, не подлежит правовым оценкам. Это, повторюсь, управленческое решение, и оно не нуждалось в особой юридической критике, ибо нет и необходимости объяснять, что с точки зрения правовой природы данного института так его регулировать нельзя. Сейчас Россия взяла паузу в этом вопросе, переводит дыхание, и совершенно ясно, что регулирование третейского разбирательства в грядущем вернется в нормальное, соответствующее его существу состояние.

— Почему у нас не приживается медиация?

— В обществе с таким уровнем социальной конфликтности это невозможно. Это все равно, что предложить медиацию в эпоху первоначального накопления капитала в США, во времена золотой лихорадки и пр. Она не появилась в Америке и в эпоху депрессии 1930-х годов. Медиация придет вместе с соответствующим уровнем сытости. Не может быть медиации, если каждые пять лет мы впадаем в экономические кризисы, каким бы причинами они ни были вызваны. Сейчас говорить и писать о медиации просто модно, но прижиться пока она не может. Юридические усилия для этого бессмысленны.

— Вам не кажется, что основным источником развития процессуального права сейчас являются банкротные процессы?

— Да, это, с одной стороны, экономический тренд, поскольку банкротств много, поэтому практика оказывается локомотивом развития. А с точки зрения теоретической многого из этого не получится. Это тоже просто временное увлечение.

— Какие основные тенденции или проблемы, которые требуют разрешения в ближайшей перспективе, Вы выделили бы в процессуальном праве?

— В общем, главное, что нам предстоит понять в области судопроизводства, — это необходимость принципиального отказа от восприятия процессуального кодекса как инструкции. Убежден, что в нем императивного гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. Процессуальный кодекс — это свод общих

правил, обеспечивающий эффективный доступ к правосудию. Это не инструкция. Например, закрытый перечень оснований для прекращения производства или оставления без рассмотрения заявления не является препятствием для соответственно прекращения или оставления без рассмотрения в иных, не перечисленных в кодексе случаях, если по смыслу заявленного требования необходимо такое решение. Это справедливо и для многих других положений закона, которые внешне выглядят как содержащие императивное регулирование. Восприятие процессуального закона в качестве инструкции должно уйти в прошлое.

Мы также стоим на пороге глобального переосмысления всего, что связано с противопоставлением судебных актов третьим лицам, с силой судебного решения. Здесь накапливается критическая масса практики, и, возможно, скоро это перейдет уже в законодательные решения.

— Вам не кажется, что в современных условиях это нереально, поскольку требует свободы воли и мышления всех участников процесса, судей, т.е. качеств, которые сейчас не востребованы?

— Нельзя так сказать. Если Вы имеете в виду сочетание политических свобод с юридическими, то я не думаю, что здесь есть прямая корреляция. Мы все же говорим о тех сферах правового, которые сами по себе вне политики, в частности судебный процесс. Понятно, что есть правовые сферы, которые трудно отделить от политики, например конституционное право. Но в процессуальной сфере данной проблемы нет. Поэтому особых препятствий для подлинно творческого восприятия закона и развития его положений в судебной практике под влиянием объективных потребностей я не вижу. Если же говорить о том, что вообще нужна общая глобальная свобода, то в этом отношении тоже нет препятствий к такому пониманию процессуального закона, о чем я уже сказал. В данном случае речь идет о том, что хватит ждать от законодателя, что он будет реагировать на каждый чих. И суд объективно обречен идти на шаг впереди законодателя. К примеру, упомяну споры в сфере биоэтики. Появились соответствующие технологии, их применение порождает споры, а на уровне регулирования есть разве что какой-нибудь приказ Минздрава России. Необходимость выхода судов за пределы статутного права — это объективная необходимость, а значит,

требуется свобода взвешивания ценностей, поиска баланса, что демонстрирует и практика Конституционного Суда РФ, который, например, ждал от законодателя решения вопроса иммунитета единственного жильца, не дождался и решил вопрос самостоятельно. Это нормальный процесс. Никуда суд от этого не денется, какие бы ни были политические режимы. Технологии не исчезнут, их применение будет ставить новые вопросы, которые суду придется решать. И уже по этой же причине восприятие процессуального закона как матрицы, основы, а не инструкции будет уместно.

— Широко известна Ваша авторская методика построения учебных задач, известен и высокий уровень их сложности. Были ли такие попытки студентов решить задачу, которые Вам особенно запомнились? (вопрос от Натальи Вячеславовны Платоновой)

— Конечно, некоторые ответы студентов на мои задачи я храню. Иногда бывает, я говорю студенту, что, проверив его работу первой, я поставил 91 балл, и мне показалось, что это «простая» пятерка, но, проверив все экзаменационные работы, я пришел к выводу, что работа заслуживает все 120 баллов и пятерки с плюсом. Иногда испытываешь учительскую гордость, когда на государственном экзамене студент, очевидно, заслуживает 100 баллов, и, конечно, таких студентов запоминаешь. Это как раз те случаи, когда ученик выше учителя. И это свидетельство того, что я поставил планку не запредельно высоко, что задача посильна, потому что всегда есть риск ее зависеть. Получается, и я как учитель сдаю экзамен методически.

— Так называемым задачам Шварца уже более 10 лет. Когда же, по Вашему мнению, российское позитивное право даст ответы на все поставленные в них вопросы, дабы разрешить вечные споры Джона Баккингема, Шпаклевкина, Милашкиной и прочих героев? (вопрос от Виктора Андреевича Сорокина)

— Позитивное право и не должно это делать. Состязательность в процессе — это полемика. Полемика начинается со способности слышать другого. В данном смысле в состязательном процессе подлинная полемика начинается со способности считать чужую

мысль. Методически эти задачи направлены на то, чтобы научиться излагать свою мысль в форме интерпретации чужой мысли: комментировать чужую мысль, раскрывать ее и излагать свою. В этих задачах нет правильных ответов и не будет, и не нужны они. Есть задачи, которым по 10–15 лет, они не теряют своей актуальности, но у них и предназначение не в том, чтобы найти решение конкретной проблемы и запомнить его, не изучение предметной области. Их смысл — формирование способа мышления.

— Роль наставника и учителя зачастую предполагает непростой моральный выбор. Представьте, что Вы напряженно работали как научный руководитель со своим аспирантом над диссертацией несколько лет, прошли все формальности. И вот утром дня официальной защиты Вы просыпаетесь в холодном поту со стойким ощущением, что диссертация недоделана, важные вопросы можно было бы раскрыть по-другому, намного лучше, а некоторые выводы кажутся просто неверными. Что сделаете: настойчиво посоветуете ученику сняться с защиты, промолчите или поделитесь своими сомнениями, а дальше пусть сам решает, как быть? (вопрос от Михаила Львовича Гальперина)

— Я не могу себе представить такой ситуации, зная, как рождаются эти диссертации. Но я совершенно точно знаю, что поделюсь этим сомнением, но не для того, чтобы аспирант решал сам, что делать, а для того, чтобы подчеркнуть, что свобода владения вопросом со стороны исследователя — это свобода понимать, что доделано, а что нет. Гораздо важнее на защитах не отстаивать свою точку зрения любой ценой, а иметь свободу публично признать то, что ты что-то не увидел в теме, согласиться с замечанием оппонента. Я бы сказал ему в подобном случае, что об этом надо сказать на защите, что мы что-то не додумали, не дописали, не разглядели. Именно это важно, поскольку диссертация — это просто один из этапов исследования. Формирование мышления исследователя гораздо важнее, чем текст диссертации. Безусловно, надо идти на защиту в такой ситуации. И сам я, выступая как научный руководитель, скажу, что сегодня мы поняли, что что-то не додумали, но полагаю, что это не умаляет тех выводов, которые позволили поддержать эту работу для вынесения ее результатов на защиту, и то, что мы ушли с защиты умнее, чем пришли на нее, это бесспорное достоин-

ство и ценность самой защиты и важный ее результат для меня и для соискателя.

— **Все известно, что Вы заядлый театрал. Скажите, пожалуйста, какой спектакль (драматический, опера, балет) произвел на Вас самое сильное впечатление в жизни?** (вопрос от Ивана Андреевича Купцова)

— На меня произвели самое сильное впечатление «История лошади» (в постановке Г.А. Товстоногова с Евгением Лебедевым в главной роли) и спектакль «Цена» (тоже в постановке Г.А. Товстоногова) БДТ. «Цены», к сожалению, в записи нет.

— **Верди или Вагнер?** (вопрос от Ивана Андреевича Купцова)

— Верди.

— **Если бы Вам представился шанс воплотить вековую мечту человечества — установить на всей земле правосудие, но ценой отказа от оперы и балета, то как бы Вы поступили? Искусство для Вас важнее?** (вопрос от Елизаветы Александровны Фетицовой)

— Нельзя отказаться от искусства даже ради правосудия. Хотя бы потому, что юридическая профессия во многом сейчас представляет собой контрвектор цифровизации за счет возрастания значения этического содержания нашей работы. Эта профессия состоит из Толстого и Достоевского больше, чем из новомод-

ных цифровых приспособлений. Поэтому выбрать нельзя, так как этическое содержание профессии только растет, а этика в широком значении данного слова без театра невозможна. Мои театральные пристрастия, в том числе и попытки увлечь театром молодое поколение в меру моих сил, связаны именно с этим, а не только с тем, что «красоты много не бывает»: профессионально, можно сказать, мы в числе прочего «состоим из театра».

— **Какое самое счастливое воспоминание из детства?** (вопрос от Кирилла Александровича Каткова)

— Самые счастливые воспоминания детства связаны с бабушкой, которая меня научила читать, приучила к театру. Я родился в день ее рождения и меня называли бабушкиным подарочком. К сожалению, ее не стало через 10 лет после моего рождения, но эти 10 лет были наполнены благодаря ей самыми теплыми и незабываемыми воспоминаниями о походах в театры, филармонию (могу место показать, где сидел первый раз). Когда с сестрой я приехал первый раз в «Ла Скала», сестра сказала: «Вот мы и исполнили бабушкину мечту».

Михаилу Зиновьевичу Шварцу 5 февраля 2023 года исполняется 50 лет. Поздравляем его с Днем рождения, желаем здоровья, творческих успехов, талантливых учеников, а в качестве подарка представляем сборник статей его учеников и коллег в приложении к настоящему номеру.